концепций изучения литературного процесса XVIII в., в сильной степени расхолаживающей усилия по разысканию подлинников и источников переводных произведений.

Исходившее из толкования одного лишь слова во всех немалочисленных статьях и стихотворениях, где речь шла о Стозмее, отождествление этого персонажа со Свистуновым оставило практически без внимания многие детали сатирической атаки, не получившие в результате никакого осмысления в контексте журнальной полемики 1769 г. Между тем они, как представляется, несут важную информацию, которая, не будучи достаточной, чтобы точно назвать лицо, подразумевающееся под этим литературным прозвищем, все же указывает направление поисков.

Во вторник 21 июля 1769 г. в русской журналистике произошли одновременно два знаменательных события. В этот день вышел 28-й лист чулковского «И то и сьо»,[26] в котором было напечатано письмо некоего Д. П., содержавшее уничтожающую оценку «Всякой всячины» и «Трутня». Этой же датой обозначен 13-й лист новиковского «Трутня» с первым упоминанием Стозмея в письме за подписью N. N., присланном якобы из Москвы. Рассказывая о судье, вырвавшем пытками у невинного подрядчика признание в краже у него золотых часов, похищенных на самом деле его собственным племянником, корреспондент употребил следующее сатирическое сравнение: «Не столько любуется щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала, не столько радуется господчик Стозмей, когда ему удастся сделать вред кому-нибудь из тех, коих он для глупой своей любовницы по пристрастию ненавидит, не столько восхищался Злорад при представлении гадко переведенной своей комедии, не столько веселится монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству» (Тр. 1769. № 13. С. 93). Краткая фраза, посвященная в этой тираде Стозмею, представляет собою зерно всех будущих насмешек над этим персонажем. Здесь подчеркивается его благородное происхождение («господчик») и определяется его главная черта, по которой он и получает смысловое прозвище: злость, побуждающая его причинять людям вред, испытывая от этого радость и удовлетворение. «Говорящее» имя только в том случае выполняет свою художественную функцию, если метафора воспринимается без труда и с первого же употребления. Поскольку свист не ассоциируется со змеями, то предложенное П. И. Берковым

---

[26] Эту дату, никак ее не обосновывая, называет Б. В. Томашевский (см.: Ирои-комическая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., 1933. С. 716). Она подтверждается рекламным объявлением в «Санктпетербургских ведомостях» (1769. 21 июля. № 58), где впервые сообщалось о выходе 28-го листа «И то и сьо», а также 17-го листа «Смеси», причем расчетная дата последнего (журнал выходил без задержек) приходится именно на этот день.